

На этот раз «фея» Небесного Экрана, оставив за собой град взрывных откровений, легко махнула рукавом и исчезла в облаках. Но бомбы, уже брошенные ею, предстояло разминировать самим чиновникам и государю Поднебесной. Прежде всего — дело Цицзинского царевича и его супруги, оказавшейся потомком свергнутой династии.

Что до долгосрочных реформ — экзаменов, образования и прочего, — это не та тема, которую можно решить за один день. Тут потребуются недели, месяцы споров, торга и перераспределения влияния при дворе.

Министр юстиции первым вышел вперёд, голос его звучал чётко и без колебаний:

— Ваше Величество! Супруга Цицзинского царевича — потомок прежней династии. Я полагаю, её следует немедленно арестовать и расследовать её связь с заговором мужа, дабы она в отчаянии не устроила ещё большего бедствия!

Эти слова мгновенно вернули многих чиновников из оцепенения, вызванного шоком от слов Небесного Экрана, обратно в суровую реальность.

— Ваше Величество! — возразил генерал, который ещё недавно сам требовал строжайшего допроса царевической супруги. — Такое решение было бы крайне опрометчиво! Небесный Экран ясно показал: в будущем именно она станет героиней, покорившей Южные Пустоши для нашей империи! Эти земли, полные болот и ядовитых испарений, веками были нашим камнем преткновения. Разве не дар Небес — такой полководец? Зачем же рубить собственную руку?

— Эй, да у меня от таких слов кровь кипит! — грубо оборвал его другой, грубоватый военачальник, сверля глазами министра юстиции. — Как это «бедствие»?! Завоевать Южные Пустоши для государя — и это бедствие?! Господин министр, ваши слова отдают изменой! Вы что, уже перешли на сторону врага?

— Хм! Грубиян и невежда! — побледнев от злости, парировал министр, резко взмахнув рукавом. — Неужели в Поднебесной больше нет достойных полководцев, чтобы полагаться на женщину — да ещё и наследницу свергнутого дома?! Если так, то зачем тогда нужны вы, военачальники? Где честь империи?

— Да ты хоть знаешь, что такое Южные Пустоши?! — взревел генерал, закатывая рукава. — Там не сад, а ад: болота, джунгли, змеи, комары — взять нечем! Если бы у нас были силы, мы бы давно их покорили, а не позволили бы остаткам прежней армии там распивать вино!

— Вы, книжники, стоите в тепле и говорите, будто всё просто! Вам не жалко жизни солдат на передовой, а мне — жалко! Лучше возьми свой перо и напиши им указ — посмотрим, подчинятся ли они твоему чернилу!

— Дикарь! Говоришь грязью, действуешь безрассудно — позоришь саму суть двора! Невозможно с тобой разговаривать!

Так в зале заседаний мгновенно образовались два лагеря — гражданские и военные. Они спорили до хрипоты, брызги слюны летели во все стороны, и казалось, вот-вот своды дворца рухнут от накала страстей.

Ли Чжао, слушая эту перепалку, не мог сдержать улыбки. Вот уж действительно мастера слова: даже в ссоре они цитируют классиков, не роняя ни одного грубого слова, но каждая фраза режет острее клинка.

— Хватит! — наконец произнёс император. Голос его был тих, но мгновенно заглушил весь гвалт. — Вы превратили дворец в базар. Торгуетесь, что ли?

В зале воцарилась мёртвая тишина.

— Виновны в неуважении к трону! Просим прощения! — хором ответили чиновники, кланяясь.

— Достаточно споров, — объявил государь, обводя взглядом зал. — Супругу Цицзинского царевича поместить под надзор Управления по делам императорского рода. Обращаться с ней согласно её статусу, но запретить всякие контакты с внешним миром.

— Ваше Величество мудр! — раздалось в ответ.

Среди гражданских чиновников тотчас поднялся одобрительный гул; многие лица озарились облегчением и даже лёгкой гордостью — будто они одержали победу. Военные же мрачно молчали, но возражать не смели.

— Дело о заговоре Цицзинского царевича передать на совместное расследование Министерству юстиции, Верховному суду и Цзышитай. Выяснить всё до конца, без ошибок.

— Что до прочих откровений Небесного Экрана, — император сделал паузу, и сердца чиновников замерли, — каждый из вас должен обдумать услышанное и представить мне свои предложения. Расходитесь.

— Расходитесь! — провозгласил евнух.

— Покорнейше провожаем Его Величество! — ответили чиновники.

Император поднялся и ушёл. Напряжение в зале мгновенно спало, и чиновники начали расходиться группами, тихо обсуждая происходящее.

Ли Чжао тоже направился к выходу. Он прошёл лишь несколько шагов, как за спиной послышались поспешные шаги.

— Десятый брат! Десятый брат!

Фуцзинский царевич подбежал и схватил его за рукав, понизив голос:

— Скажи, десятый брат, что будет с невесткой второго брата? Как отец её накажет?

Ли Чжао удивлённо взглянул на этого обычно простодушного младшего брата. Не ожидал, что тот специально подбежит с таким вопросом.

— А как ты сам думаешь? — вместо ответа спросил он.

Фуцзинский почесал затылок, нахмурился и серьёзно сказал:

— На пирах я видел, как она владеет мечом — движения чёткие, мощные, полные духа. И ведь Небесный Экран сказал, что она станет полководцем, расширяющим границы Поднебесной! Такой человек вряд ли злодей, не различающий добро и зло.

— К тому же, она ведь ничего плохого не сделала. Разве она сама выбрала, быть принцессой прежней династии? Она не участвовала в тех событиях — зачем же винить её за дела, которых она не совершала?

Услышав эти простые, но полные сочувствия слова, Ли Чжао похлопал брата по плечу:

— Если ты, мальчишка, дошёл до такого вывода, неужели наш мудрый отец не поймёт? Не волнуйся, отец — не тиран, у него есть свои соображения. А вот тебе, — он перевёл разговор, — лучше занимайся в своём дворце: тренируйся в бою, зубри книги и не шляйся повсюду. А то отец проверит твои уроки — и будет тебе весело.

При слове «уроки» глаза Фуцзинского померкли, лицо вытянулось. Он тут же отпустил рукав брата и замахал руками:

— Ладно-ладно, я понял! Ты такой зануда, брат! Я побежал! — и, не договорив, пустился бежать, будто за ним гналась стая собак.

Глядя на убегающую фигуру брата, Ли Чжао усмехнулся и поднял взгляд к небу за стенами дворца. Судьба супруги Цицзинского, реформа экзаменов, просвещение народа... и то будущее, которое так тесно связано с ним самим... Мыслей было слишком много.

Он уже собрался идти дальше, как рядом раздался вежливый голос:

— Ваше Высочество, благополучия Руйскому царевичу.

Ли Чжао обернулся — это был доверенный евнух старшего брата.

— А, да? Что приказывает тайцзы?

— Тайцзы просит вас посетить Восточный дворец и разделить с ним обед.

— О? — брови Ли Чжао приподнялись. — Брат зовёт? А что вкусенького приготовили?

— Конечно, всё, что вы любите, Ваше Высочество.

— Прощу вас, тайцзы ожидает вас в саду.

— Хорошо, знаю дорогу, не надо провожать.

Ли Чжао направился в сад Восточного дворца — место, где он в детстве провёл немало времени. Каждый куст, каждая дорожка были ему знакомы.

Раньше он частенько сюда забегал, думая лишь о том, как бы подружиться с будущим императором и обеспечить себе спокойную жизнь богатого бездельника. Кто бы мог подумать, что один Небесный Экран перевернёт всё с ног на голову?

Но, возможно, в этом и есть благо: теперь заговор Цицзинского против тайцзы раскрыт заранее, и, может быть, брат избежит своей роковой участи и проживёт дольше.

Погружённый в мысли, он вошёл в сад. Тайцзы не сидел в беседке, как обычно, а расслабленно качался на знакомых качелях, устремив взгляд вдаль, будто размышляя о чём-то далёком.

Ли Чжао подошёл и без церемоний уселся рядом на вторую доску. Лёгким толчком ноги он заставил качели медленно покачиваться.

— Брат, разве не обедать звал? Где еда? Желудок у меня уже барабанит! — сказал он легко, с той непринуждённой братской фамильярностью, что была между ними всегда.

Тайцзы повернулся к нему и улыбнулся — улыбка эта смягчила его обычно сосредоточенное лицо:

— Ну что ты, разве я стану голодом морить тебя? Повара ещё готовят. Пока воспользуемся временем — поговорим по-братски.

Он посмотрел на деревянную раму качелей и с лёгкой грустью произнёс:

— Помнишь эти качели?

— Ещё бы! — усмехнулся Ли Чжао, чувствуя лёгкое смущение. — Это же я устроил пожар в

Восточном дворце, когда пытался построить свою печь для жарки, и чуть не сжёг половину сада. А ты на этом месте и построил качели. За это меня матушка отлупила как следует... Хорошо, что ты заступился.

Воспоминания о том хаотичном дне теперь казались сказкой из другого мира.

— Удивительно, что ты помнишь эти детские проделки, — мягко сказал тайцзы. — Как быстро летит время... Тот озорной десятый, что только и знал, как устроить беспорядок, теперь стал самостоятельным мужчиной — и даже Небесный Экран возлагает на тебя великие надежды.

Он незаметно перевёл разговор и спокойно посмотрел на Ли Чжао:

— Сяо Ши, а как ты относишься к положению наследника престола?

Сердце Ли Чжао резко ёкнуло. Он уже открыл рот:

— Брат, я...

Но тайцзы мягко поднял руку, останавливая его:

— Не спеши отвечать. Сначала выслушай моё мнение.

Он отвёл взгляд, будто сквозь стены дворца видел прошлое — эпоху крови, пепла и отчаяния.

— Ты родился поздно и не видел конца прежней династии, — тихо начал он. — Тогда небеса посылали бедствия одно за другим, урожаи гибли, а последний император прежней династии, Цзянди, лишь усиливал налоги, гнал народ на строительство своих дворцов, собирал красавиц со всей страны и пировал в вине и роскоши, закрыв глаза на страдания народа.

Когда отец поднял восстание, я своими глазами видел: поля пусты, дороги усеяны трупами. Видел, как мёртвые кости лежат обглоданные. Слышал рассказы о матерях, что варили в пищу чужих детей... Это был настоящий ад.

Однажды в деревне, разграбленной солдатами, я увидел женщину. Она сидела среди руин, прижав к груди мёртвого ребёнка, и механически похлопывала его по спине, напевая фальшивую колыбельную. Её глаза были пусты, как колодцы.

Я видел смерть того тирана. Отец тогда держал меня за руку и сказал: «Запомни, как погибает правитель, что считает народ сорной травой. Запомни цену трона. Научись чувствовать боль простых людей. Только так ты станешь достойным наследником — и императором».

С тех пор я старался быть тем тайцзы, которого ждал отец и которого хвалил народ. Я искренне верил, что смогу разрушить проклятие: «Сын основателя династии редко умирает своей смертью».

Но... мы оба видели, чем всё кончилось. Ни отцовская осторожность, ни предсказание Небесного Экрана не спасли меня. Ирония в том, что месть за меня совершил именно ты, Сяо Ши.

Горло Ли Чжао пересохло. Он смог выдавить лишь бледные слова:

— Брат... теперь всё иначе. Этого ещё не случилось. Врачи сказали — при должном лечении ты поправишься.

— Выслушай меня до конца, Сяо Ши, — тайцзы говорил с решимостью. — Да, мне тяжело. Мне больно, что мой путь завершился так. Мне больно, что будущий Святой Предок правит так мудро, что даже у меня рождается мысль: может, стране и народу будет лучше, если трон займет он, а не я? Эти противоречивые чувства живут во мне одновременно.

— Брат! — Ли Чжао резко повернулся к нему, потрясённый.

Но тайцзы не обращал внимания на его изумление. Он спокойно продолжал вскрывать свою душу — за этой спокойной поверхностью бурлил океан:

— Но если подумать глубже... с того дня, как я стал тайцзы, моё главное желание было одно: создать мир, где нет голода, где народ живёт в мире и благоденствии. И в будущем, показанном Небесным Экраном, ты этого достиг — даже лучше, чем я мечтал.

Он наконец повернулся к Ли Чжао, и в его взгляде читалась почти жестокая честность:

— Возможно, я мог бы поступить по-низменно. Я мог бы потребовать от тебя, моего десятого брата, полностью следовать пути будущего Святого Предка. Мы могли бы править вместе, воссоздав то самое светлое будущее. И я знаю — ты бы согласился.

Но... я не могу переступить через себя. Я не хочу и не стану этого делать. И, кроме того... люди меняются. Я не уверен, что, утвердившись на троне, смогу терпеть рядом с собой тень — великого, популярного брата, чья слава затмевает мою... как отец не терпел других рядом с собой.

В саду воцарилась тишина. Лишь шелестели листья под лёгким ветерком.

Тайцзы пристально смотрел в глаза Ли Чжао и, словно взвешивая каждое слово, повторил свой первый вопрос — теперь он звучал тяжелее тысячи пудов:

— Поэтому, Сяо Ши, я спрашиваю тебя снова: как ты относишься к положению наследника престола?

Воздух будто застыл. Ли Чжао смотрел в глаза брата — глаза, полные боли, отрешённости, надежды и... тайного поручения. Он понимал: это уже не братская беседа. Это — момент, от которого зависит судьба империи и их обоих.

<http://bllate.org/book/17167/1607058>